

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2026, Том 14, № 2 / 2026, Vol. 14, Iss. 2 <https://mir-nauki.com/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN226.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Жихарева, Л. В. Особенности использования искусственного интеллекта в молодёжной среде / Л. В. Жихарева // Мир науки. Педагогика и психология. — 2026. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN226.pdf>.

For citation:

Zhikhareva L.V. Patterns of artificial intelligence use in the youth environment. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2026;14(2): 13PSMN226. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.9

Жихарева Лилия Владимировна

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия

Заведующий кафедрой «Психологии»

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: liliya_80@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7510-2963>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=794069

Особенности использования искусственного интеллекта в молодёжной среде

Аннотация. Актуальность. Распространение искусственного интеллекта в повседневной и образовательной среде делает актуальным изучение его включения в когнитивные и регуляторные практики. При этом различия в стратегиях взаимодействия с ИИ и связь между интенсивностью его использования и разнообразием пользовательских практик изучены недостаточно. Цель. Выявить особенности использования искусственного интеллекта в молодёжной среде, его основные функции, частоту и сферы применения, а также характер включения в процессы получения информации и принятия решений. Методы. Проведено поперечное описательно-сравнительное исследование в форме анонимного онлайн-опроса. В выборку вошли 193 респондента 15–67 лет ($M = 21,23$; $Me = 19$), в том числе 100 женщин и 93 мужчины. Использовались вопросы о частоте, целях, сферах и типах использования искусственного интеллекта, а также о его роли в принятии решений. Применялись описательные статистики, критерий χ^2 Пирсона, V Крамера, поправка Бенджамини–Хохберга и коэффициент Спирмена. Результаты. 59,8 % респондентов используют искусственный интеллект время от времени, 17,5 % — регулярно. Наиболее распространены текстовые ИИ-ассистенты (70,1 %); ведущая цель — получение информации и объяснений (73,2 %), основная сфера — учёба и образование (56,8 %). Только 9,2 % часто используют искусственный интеллект при принятии решений. Женщины чаще демонстрировали регулярное и учебно-информационное использование искусственного интеллекта. Более интенсивное использование искусственного интеллекта связано с расширением репертуара практик взаимодействия. Выводы. Искусственный интеллект выступает как освоенный, но функционально ограниченный ресурс, используемый преимущественно для поиска, объяснения и структурирования информации. Это позволяет говорить о частичном когнитивном делегировании.

Ключевые слова: искусственный интеллект; молодёжь; образование; взаимодействие; принятие решений; делегирование; пользовательский опыт

Введение

Быстрое распространение генеративного искусственного интеллекта изменило не только технологическую, но и психологическую среду повседневной деятельности. Искусственный интеллект всё чаще используется как инструмент поиска, объяснения, переработки текста, генерации идей и поддержки учебных действий. Однако сам факт его доступности ещё не объясняет, каким образом он включается в когнитивные и регуляторные процессы пользователя. В современной литературе всё отчетливее смещается фокус: исследователей интересует уже не только функциональная эффективность искусственного интеллекта, но и то, где проходит граница между вспомогательной цифровой поддержкой, доверием алгоритмической рекомендации и частичным когнитивным делегированием. Эта постановка вопроса особенно значима для молодёжной среды, где искусственный интеллект быстрее всего интегрируется в учебные и повседневные практики.

Цель статьи — выявить особенности использования искусственного интеллекта в молодёжной среде, описать его основные функции, частоту и сферы применения, определить характер включения ИИ в процессы получения информации и принятия решений, а также установить различия в конфигурации пользовательского опыта и связи между интенсивностью использования ИИ и разнообразием практик взаимодействия с ним.

В зарубежной литературе одна из наиболее влиятельных линий анализа связана с представлением о комплементарности человека и ИИ. В работе М.Н. Jarrahi ИИ рассматривается не как прямая замена человека, а как средство усиления отдельных когнитивных операций в условиях сложности, неопределённости и неоднозначности организационной среды. В этой логике алгоритмическая система особенно сильна там, где требуется обработка больших массивов данных, сравнение вариантов и вычислительная аналитика, тогда как человек сохраняет преимущество в интерпретации, оценке контекста и ответственности за решение [1]. Близкая, хотя и более психологически насыщенная, дискуссия ведётся и в отечественных исследованиях. Д.В. Ушаков подчёркивает, что человеко-ориентированные технологии искусственного интеллекта открывают для психологии новые возможности распознавания состояний, прогнозирования и поддержки, но одновременно создают риски чрезмерной зависимости, утраты приватности и смещения доверия в сторону цифровых систем [2]. Т.Д. Марцинковская и К.А. Стрижевский ставят вопрос ещё жёстче: проблема заключается не только в эффективности искусственного интеллекта, но и в том, как именно его концептуализировать — как инструмент, объект анализа или как квази-субъект взаимодействия. Тем самым в теоретическом поле возникает принципиальная полемика: искусственный интеллект может пониматься либо как расширение человеческого интеллекта, либо как фактор, меняющий само распределение субъектных функций в деятельности [3].

Вторая крупная линия исследований касается доверия к алгоритмическим рекомендациям. Наиболее известная работа J.M. Logg, J.A. Minson и D.A. Moore показала, что в ряде задач люди в большей степени учитывают совет, если считают его алгоритмическим, а не человеческим; этот эффект был обозначен как предпочтение алгоритмическому суждению (*algorithm appreciation*) [4]. Однако последующие исследования заметно усложнили картину. N. Castelo, M.W. Vos и D.R. Lehmann продемонстрировали, что принятие алгоритма зависит от типа задачи: в задачах, воспринимаемых как объективные и аналитические, алгоритмический совет принимается охотнее, тогда как в субъективных и личностно нагруженных ситуациях возрастает алгоритмическое неприятие (*algorithm aversion*) [5]. С. Longoni, A. Bonezzi и С.К. Morewedge, анализируя медицинский контекст, показали, что сопротивление искусственному интеллекту связано не только с общей настороженностью к технологии, но и с опасением, что алгоритм хуже учитывает уникальность конкретного человека и ситуации [6]. Более поздние работы дополняют эту линию: восприятие алгоритма определяется не только особенностями

самой системы, но и тем, насколько пользователь знаком с типом задачи, осведомлён о принципах работы алгоритмов и как оценивает качество их функционирования [7], а ошибки алгоритма нередко вызывают особенно устойчивую негативную реакцию, поскольку от машины ожидают большей точности, чем от человека [8]. В результате всё менее убедительной выглядит идея общего и стабильного доверия или недоверия к ИИ; вместо этого речь идёт о селективном доверии, зависящем от типа задачи, ожидаемой точности, объяснимости и зоны ответственности.

Третья линия исследований связана с вопросом о том, становится ли искусственный интеллект для пользователя лишь удобным интерфейсом или приобретает признаки социально и психологически значимого собеседника. В зарубежных работах, посвящённых принятию ChatGPT в высшем образовании, подчёркивается роль антропоморфизма, доверия, осязаемой новизны дизайна и институциональной политики: принятие чат-бота усиливается там, где он воспринимается не только как полезный, но и как понятный, предсказуемый и в некоторой степени «человеко-подобный» интерфейс [9]. Однако отечественные исследования демонстрируют здесь более сдержанную картину. В работе А.А. Шамшева и В.В. Селиванова показано, что диалог человека с нейросетью структурно не тождествен социальному диалогу между людьми: нейросеть мало инициирует взаимодействие, слабо расширяет контекст и плохо работает с глубинными смысловыми образованиями личности [10]. Исследование А.С. Рафиковой и А.Н. Воронина, посвящённое адаптации опросника BUS-11, показывает, что пользовательское восприятие чат-ботов включает не только удобство и простоту доступа, но и чувствительность к вопросам конфиденциальности, информированности и безопасности [11]. Это важно теоретически: даже если искусственный интеллект воспринимается как коммуникативно удобный, из этого ещё не следует, что он переживается как полноценный социальный партнёр. Скорее, современный чат-бот занимает промежуточное положение между информационным интерфейсом и квази-собеседником.

Зарубежные метааналитические обзоры показывают, что ChatGPT и близкие ему инструменты в среднем связаны с улучшением учебной результативности, учебного восприятия и, в ряде случаев, показателей мышления более высокого порядка. В метаанализе R. Deng и соавт., суммированы экспериментальные исследования, показавшие положительный эффект ChatGPT на академическую успеваемость и аффективно-мотивационные показатели, при одновременном снижении субъективных умственных усилий; при этом авторы отдельно подчёркивают методологические ограничения исследований и необходимость осторожной интерпретации [12]. J. Wang и W. Fan также фиксируют положительное влияние ChatGPT на учебную результативность, но одновременно показывают, что выраженность эффекта зависит от длительности использования, типа курса, образовательной модели и той роли, которую ChatGPT играет в учебном процессе [13]. Иначе говоря, даже в наиболее благоприятной интерпретации искусственный интеллект не выступает автоматически средством «углубления мышления»; его эффект оказывается опосредован педагогическим дизайном, задачей и форматом включения в обучение.

В ряде работ искусственный интеллект рассматривается как важный ресурс трансформации педагогической среды. П.В. Сысоев на основе опроса преподавателей 18 российских вузов показывает, что отношение преподавателей к искусственному интеллекту скорее нейтрально-позитивное, но системная готовность к его внедрению остаётся ограниченной, а практики применения фрагментарны [14]. Р.Р. Гасанова и Е.А. Романова подчёркивают, что высшая школа сталкивается не только с новыми возможностями персонализации и автоматизации, но и с рисками зависимости от сервиса, неравенства доступа, утраты академической самостоятельности и роста этических проблем [15]. Е.А. Кошкина и соавт., анализируя 270 публикаций о генеративном искусственном интеллекте в российских вузах, показывают, что отечественная литература пока в основном сосредоточена либо на локальных дисциплинарных кейсах, либо

на обсуждении организационно-педагогических условий безопасной интеграции искусственного интеллекта; особенно активно искусственный интеллект внедряется в преподавание иностранных языков [16]. В работе Я.И. Кузьмина и соавт., акцент переносится уже на студенческие практики: авторы фиксируют неравномерность освоения генеративного искусственного интеллекта и различие между «опережающими» и «отстающими» моделями использования, что указывает на внутреннюю неоднородность студенческой цифровой среды [17]. С другой стороны, в более критических работах искусственный интеллект рассматривается как потенциально «подрывная» технология, способная деформировать классические представления об авторстве, самостоятельности и роли преподавателя. Так, С.П. Фурс прямо ставит вопрос: искусственный интеллект — это помощник педагога или фактор размывания оснований образовательного процесса [18]. Именно эта полемика — между ресурсной и деструктивной трактовкой — и делает образовательный блок исследований особенно значимым для психологического анализа.

Ещё один важный вывод теоретического обзора состоит в том, что современные исследования постепенно уходят от рассмотрения ИИ как однородного феномена. И зарубежные, и русскоязычные авторы всё чаще различают по меньшей мере несколько уровней его включения в деятельность: справочно-информационный, когда искусственный интеллект используется для поиска и объяснения; регуляторно-консультативный, когда система включается в оценку альтернатив и принятие решений; и совместно-продуктивный, когда искусственный интеллект становится участником генерации идей, письма, проектирования и других сложных видов интеллектуальной работы. Теоретически это означает, что анализ частоты использования искусственного интеллекта сам по себе недостаточен. Более значимым оказывается вопрос о том, какие именно функции пользователь реально передаёт системе, в каких сферах готов ей доверять и воспринимает ли её как инструмент, помощника, советчика или собеседника. Именно в этой исследовательской логике и возникает необходимость эмпирически изучать не только распространённость искусственного интеллекта, но и структуру его субъективной роли в повседневной и учебной жизни.

Методы исследования

Исследование носило поперечный описательно-сравнительный характер и было реализовано в форме анонимного онлайн-опроса. В выборку вошли 193 респондента в возрасте от 15 до 67 лет ($M = 21,23$; $Me = 19$), из них 100 женщин и 93 мужчины; наиболее представленной была группа 18–20 лет. Логика исследования исходила из предположения, что восприятие ИИ определяется не только свойствами самой системы, но и пользовательским опытом взаимодействия с ней, знакомством с типом задач и субъективной оценкой её функциональной значимости. В связи с этим инструментарий включал вопросы о факте и частоте использования ИИ, предпочитаемых типах сервисов и конкретных инструментах, целях и сферах применения, использовании ИИ при принятии решений и его субъективной роли в жизни респондента. Обработка данных включала расчёт описательных статистик; для анализа различий по одноответным категориальным переменным применялся критерий χ^2 Пирсона с расчётом V Крамера, для многоответных вопросов каждая опция анализировалась отдельно с поправкой Бенджамини–Хохберга, а для оценки связей между интенсивностью использования ИИ и разнообразием пользовательских практик использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Данные показывают, что искусственный интеллект уже вошёл в повседневный опыт большинства участников, хотя степень его включённости остаётся неодинаковой. Чаще всего

респонденты указывали, что используют искусственный интеллект время от времени (59,8 %), ещё 17,5 % сообщили о регулярном использовании, а 22,7 % — о редком. Наиболее распространённой категорией сервисов оказались текстовые ИИ-ассистенты (70,1 %); заметно реже упоминались инструменты генерации изображений, видео и аудио (48,5 %) и сервисы для учёбы или работы (45,4 %). Только 5,7 % участников указали, что вообще не использовали искусственный интеллект. Важно, что пользователи ориентируются не только в общей категории «искусственный интеллект», но и в конкретных сервисах: чаще всего назывались ChatGPT (28,9 %) и DeepSeek (23,7 %). Это позволяет рассматривать искусственный интеллект в данной выборке не как внешнюю технологическую новинку, а как уже освоенный цифровой инструмент, встроенный в решение повседневных когнитивных задач (табл. 1).

Таблица 1

Общая структура использования ИИ

Показатель	Категория	n	%
Повседневное использование ИИ	Да, время от времени	116	59,8
	Да, регулярно	34	17,5
	Редко	44	22,7
Наиболее используемые типы ИИ	Текстовые ИИ-ассистенты	136	70,1
	Генерация изображений / видео / аудио	94	48,5
	ИИ для учёбы / работы	88	45,4
	Голосовые ассистенты	42	21,6
	Рекомендательные системы	25	12,9
	Не использовали ИИ	11	5,7
Наиболее часто упоминаемые инструменты	ChatGPT	56	28,9
	DeepSeek	46	23,7
	Алиса	13	6,7
	Gemini	5	2,6
	GigaChat	5	2,6

Для блока «наиболее используемые типы ИИ» и открытого вопроса о конкретных инструментах допускался множественный выбор/свободное название сервисов. Составлено автором

По содержанию запросов искусственный интеллект используется прежде всего для получения информации и объяснений: этот вариант выбрали 73,2 % респондентов. Значительно реже отмечались генерация идей и креативных материалов (37,6 %) и помощь в профессиональной деятельности (25,3 %). Наиболее типичной частотой обращения оказался вариант «несколько раз в неделю» (54,9 %), тогда как ежедневное использование зафиксировано только у 11,4 % участников. По сферам применения явно доминирует учебно-образовательный контекст (56,8 %), тогда как личная повседневная сфера (17,3 %) и профессиональная деятельность (12,4 %) выражены заметно слабее. Такая конфигурация выглядит внутренне согласованной: искусственный интеллект в исследуемой группе используется прежде всего как учебно-информационный ресурс, а не как универсальный фон повседневной жизни. При этом эти данные не дают оснований утверждать, что ИИ уже замещает самостоятельную учебную деятельность; корректнее говорить о его роли как вспомогательного интеллектуального инструмента, облегчающего первичное понимание материала, поиск объяснений и ориентировку в задаче (табл. 2).

Если перейти от информационных и учебных функций к регуляторным, картина становится более сдержанной. Часто используют искусственный интеллект как помощника при принятии решений только 9,2 % респондентов; ещё 31,4 % делают это иногда, 25,4 % — редко, а 34,1 % не используют для этого вообще. Сходная логика проявляется и в описании субъективной роли ИИ: наиболее частыми оказались ответы «помощник» (33,5 %), «инструмент» (30,3 %) и «источник информации» (20,2 %), тогда как варианты «советчик» (6,4 %) и особенно «собеседник» (2,1 %) встречались существенно реже. Это указывает на то,

что ИИ уже принят как источник объяснений и поддержки, но заметно реже допускается в ситуации, где требуется собственное суждение и ответственность за выбор. Поэтому в данной выборке он скорее выступает функциональным когнитивным ресурсом, чем квазисоциальным партнёром (табл. 3).

Таблица 2

Цели, частота и сферы использования ИИ

Показатель	Категория	n	%
Основные цели использования ИИ	Получение информации и объяснений	142	73,2
	Генерация идей / креативных материалов	73	37,6
	Помощь в профессиональной деятельности	49	25,3
	Организация задач и планирование	37	19,1
	Развлечения	37	19,1
	Эмоциональная поддержка или общение	25	12,9
Частота обращения к ИИ	Несколько раз в неделю	101	54,9
	Несколько раз в месяц	42	22,8
	Несколько раз в день	21	11,4
	Практически не использую	11	6,0
	Реже	9	4,9
Сфера наиболее частого использования	Учёба/образование	105	56,8
	Личная жизнь / повседневные задачи	32	17,3
	Работа / профессиональная деятельность	23	12,4
	Творчество	16	8,6
	Общение и досуг	9	4,9

Для блока целей использования ИИ допускался множественный выбор. Вопрос о сфере наиболее частого использования был одноответным; валидное число ответов составило 193. Составлено автором

Таблица 3

Использование ИИ при принятии решений и субъективная роль ИИ

Показатель	Категория	n	%
ИИ как помощник при принятии решений	Да, часто	17	9,2
	Иногда	58	31,4
	Редко	47	25,4
	Нет	63	34,1
Роль ИИ в жизни респондента	Помощник	63	33,5
	Инструмент	57	30,3
	Источник информации	38	20,2
	Советчик	12	6,4
	Существенной роли не играет	14	7,4
	Собеседник	4	2,1

Вопросы были одноответными; проценты рассчитаны от числа валидных ответов по каждому вопросу. Составлено автором

Согласно результатам представленным в таблице 3, женщины чаще демонстрировали регулярный формат обращения к ИИ: вариант «несколько раз в неделю» встречался у них чаще, чем у мужчин (61,2 % против 47,7 %), тогда как мужчины заметно чаще указывали, что практически не используют ИИ (10,5 % против 2,0 %). Общее распределение ответов по частоте использования различалось статистически значимо ($\chi^2 = 10,59$, $df = 4$, $p = 0,032$, $V = 0,240$). Статистически значимыми оказались и различия в субъективной роли ИИ. У женщин он чаще описывался как источник информации (25,3 % против 14,6 % у мужчин), тогда как мужчины чаще выбирали вариант «советчик» (11,2 % против 2,0 %). Общее распределение ролей также различалось статистически значимо ($\chi^2 = 11,12$, $df = 5$, $p = 0,049$, $V = 0,243$). В многоответных вопросах женщины существенно чаще отмечали использование текстовых ИИ-ассистентов (81,0 % против 59,1 %) и ИИ-инструментов для учёбы или работы (55,0 % против

35,5 %), тогда как мужчины чаще относились к группе не использующих ИИ вовсе (11,8 % против 0 %). После поправки на множественные сравнения среди целей использования статистическую значимость сохранило только получение информации и объяснений: эту цель указали 85,0 % женщин и 61,3 % мужчин. Величина всех обнаруженных эффектов остаётся в диапазоне небольших или умеренных значений, поэтому эти различия следует трактовать как особенности конфигурации пользовательского опыта, а не как жёсткие половые различия (табл. 4).

Таблица 4

Статистически значимые различия по полу в использовании ИИ

Показатель	Категория/опция	Жен.	Муж.	χ^2	df	p	V Крамера
Частота обращения к ИИ	распределение ответов	n = 98	n = 86	10,59	4	0,032	0,240
	несколько раз в неделю	60 (61,2 %)	41 (47,7 %)				
	практически не использую	2 (2,0 %)	9 (10,5 %)				
Роль ИИ в жизни	распределение ответов	n = 99	n = 89	11,12	5	0,049	0,243
	источник информации	25 (25,3 %)	13 (14,6 %)				
	советчик	2 (2,0 %)	10 (11,2 %)				
Типы используемого ИИ	текстовые ИИ-ассистенты	81 (81,0 %)	55 (59,1 %)	13,34	1	0,0013	0,262
	ИИ для учёбы или работы	55 (55,0 %)	33 (35,5 %)	8,24	1	0,0162	0,206
	не использовал(а)	0 (0,0 %)	11 (11,8 %)	12,66	1	0,0018	0,255
Цели использования ИИ	получение информации и объяснений	85 (85,0 %)	57 (61,3 %)	16,55	1	0,00025	0,292

Для одноответных вопросов проценты рассчитаны по числу ответивших внутри группы, для многоответных — по полному числу респондентов в каждой группе (n = 100 женщин, n = 93 мужчины). Поправка Бенджамини-Хохберга применялась к сериям множественных сравнений в многоответных вопросах; в таблицу включены только различия, сохранившие статистическую значимость после учёта множественных сравнений. Составлено автором

Корреляционный анализ показал, что более частое использование ИИ связано с расширением пользовательского репертуара. Частота обращения положительно коррелировала с числом используемых типов ИИ (p = 0,287, p < 0,001), числом целей использования (p = 0,280, p < 0,001) и числом конкретных инструментов (p = 0,190, p = 0,010). Наиболее тесная связь обнаружена между числом используемых типов ИИ и числом целей его применения (p = 0,590, p < 0,001). Иначе говоря, по мере роста интенсивности взаимодействия с ИИ оно становится не только более частым, но и более функционально дифференцированным (см. табл. 5).

Таблица 5

Статистически значимые корреляционные связи показателей использования ИИ

Пара переменных	ρ Спирмена	p
Частота использования ИИ — число типов ИИ	0,287	< 0.001
Частота использования ИИ — число целей использования	0,280	< 0.001
Частота использования ИИ — число инструментов	0,190	0.010
Число типов ИИ — число целей использования	0,590	< 0.001
Число типов ИИ — число инструментов	0,364	< 0.001
Число целей использования — число инструментов	0,336	< 0.001

Составлено автором

В целом результаты позволяют описать ИИ в данной выборке как уже освоенный, но функционально ограниченный ресурс. Он прочно вошёл в учебно-информационные практики, широко используется для поиска объяснений и решения текущих когнитивных задач, но заметно реже вовлекается в процессы выбора и личной регуляции. Гендерные различия в этой структуре присутствуют, однако проявляются как различия в конфигурации пользовательского опыта, а не как принципиально разные модели взаимодействия с ИИ.

Обсуждение результатов

Полученные данные показывают, что ИИ в исследуемой выборке уже вошёл в повседневный цифровой опыт, однако характер этого включения остаётся преимущественно инструментальным. Он используется прежде всего для поиска информации, прояснения и первичной ориентировки в задаче, тогда как в процессы выбора и принятия решений включается заметно слабее. Такая конфигурация лучше согласуется с представлением о комплементарности человека и ИИ, чем с идеей их уже сложившегося «партнёрства»: ИИ усиливает отдельные когнитивные операции, но не замещает субъект решения (Jarrahi, 2018).

В этом смысле наши результаты позволяют уточнить выводы исследований о принятии алгоритмических рекомендаций. Работы J. Logg и соавт., показали, что в ряде ситуаций люди готовы придавать больший вес совету, если он представлен как алгоритмический, а не человеческий [4]. Однако полученные нами данные не подтверждают прямолинейный перенос этого эффекта на реальные практики взаимодействия с ИИ. Респонденты охотно принимают ИИ как источник объяснений и информации, но заметно реже допускают его в ситуации, связанные с личным выбором и ответственностью. Поэтому точнее говорить не об общей «алгоритмической предпочтительности», а о селективном доверии к ИИ, зависящем от типа задачи. Такая интерпретация ближе к позиции N. Castelo и соавт., показавших, что доверие к алгоритму снижается, когда задача воспринимается как субъективная или требующая собственно человеческого суждения [5]. Сходную позицию демонстрируют и данные о сопротивлении медицинскому ИИ: пользователи готовы признавать его вычислительные преимущества, но не всегда готовы передавать ему высокозначимые решения [6].

Отдельного внимания заслуживает образовательный контекст. Высокая доля учебного использования и доминирование запросов, связанных с объяснением и пониманием, хорошо согласуются с современными метааналитическими данными, согласно которым ChatGPT в среднем способствует улучшению учебных результатов и учебного восприятия, а при определённых условиях — и показателей более высокого порядка [12; 13]. Вместе с тем эти же обзоры подчёркивают, что эффект зависит от дизайна задачи, длительности использования и педагогического контекста. В этом плане наши результаты скорее поддерживают осторожную, чем оптимистически-максималистскую интерпретацию: широкое учебное использование ИИ ещё не означает, что он становится инструментом углублённого мышления. На данном этапе он, по-видимому, чаще снижает порог входа в задачу и ускоряет ориентировку, чем переводит пользователя на качественно иной уровень интеллектуальной работы.

Половые различия в этой логике выглядят не как свидетельство двух принципиально разных моделей взаимодействия с ИИ, а как различие в конфигурации акцентов. Женщины в нашей выборке чаще включают ИИ в регулярные учебно-информационные практики, тогда как мужская подвыборка выглядит более неоднородной: в ней выше доля как практически не использующих ИИ, так и тех, кто чаще наделяет его консультативной функцией. Поэтому обсуждать эти различия продуктивнее не в терминах «мужского» и «женского» стиля, а как статистически наблюдаемые смещения в способах освоения одного и того же цифрового инструмента.

Корреляционные связи усиливают эту интерпретацию. Более частое использование ИИ связано с ростом числа используемых типов систем, целей и конкретных инструментов. Это означает, что освоение ИИ в молодёжной среде идёт по линии функциональной дифференциации: чем привычнее пользователь взаимодействует с ИИ, тем более разнообразные задачи он ему адресует. Однако и здесь нет оснований говорить о «зрелом» сотрудничестве человека и машины. Более широкий репертуар может означать как развитие гибких практик использования, так и усиление зависимости от внешнего когнитивного ресурса. Именно поэтому в дальнейших исследованиях важно различать по меньшей мере справочно-

информационное, регуляторно-консультативное и совместно-продуктивное использование ИИ.

В целом полученные результаты позволяют рассматривать ИИ как уже освоенный, но функционально ограниченный ресурс. Он прочно встроен в учебно-информационные практики, широко используется для объяснения, поиска и структурирования, но заметно реже включается в зоны личного выбора и ответственности. Это даёт основания говорить не о полном перераспределении субъектности в системе «человек — ИИ», а скорее о частичном когнитивном делегировании, при котором внешнему цифровому ресурсу передаются отдельные операции, но регуляторное ядро действия в большинстве случаев сохраняется за человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jarrahi M.H. Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making // *Business Horizons*. 2018. Vol. 61, no. 4. P. 577–586. DOI: 10.1016/j.bushor.2018.03.007.
2. Ушаков Д.В. Технологии искусственного интеллекта в психологии // *Экспериментальная психология*. 2024. Т. 17, № 4. С. 182–189. DOI: 10.17759/exppsy.2024170412.
3. Марцинковская Т.Д., Стрижевский К.А. Искусственный интеллект — субъект или объект? // *Новые психологические исследования*. 2025. № 3. С. 54–74. DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_03_03.
4. Logg J.M., Minson J.A., Moore D.A. Algorithm appreciation: People prefer algorithmic to human judgment // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2019. Vol. 151. P. 90–103. DOI: 10.1016/j.obhdp.2018.12.005.
5. Castelo N., Bos M.W., Lehmann D.R. Task-Dependent Algorithm Aversion // *Journal of Marketing Research*. 2019. Vol. 56, no. 5. P. 809–825. DOI: 10.1177/0022243719851788.
6. Longoni C., Bonezzi A., Morewedge C.K. Resistance to Medical Artificial Intelligence // *Journal of Consumer Research*. 2019. Vol. 46, no. 4. P. 629–650. DOI: 10.1093/jcr/ucz013.
7. Mahmud H., Islam A.K.M.N., Luo X., Mikalef P. Decoding algorithm appreciation: Unveiling the impact of familiarity with algorithms, tasks, and algorithm performance // *Decision Support Systems*. 2024. Vol. 179. Art. 114168. DOI: 10.1016/j.dss.2024.114168.
8. Renier L.A., Schmid Mast M., Bekbergenova A. To err is human, not algorithmic: Robust reactions to erring algorithms // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 124. Art. 106879. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106879.
9. Polyportis A., Pachos-Fokialis N. Understanding students' adoption of the ChatGPT chatbot in higher education: the role of anthropomorphism, trust, design novelty and institutional policy // *Behaviour & Information Technology*. 2025. Vol. 44, no. 2. P. 315–336. DOI: 10.1080/0144929X.2024.2317364.
10. Шамшев А.А., Селиванов В.В. Структурные различия диалогов между людьми и диалогов между человеком и нейросетью // *Экспериментальная психология*. 2025. Т. 18, № 2. С. 104–114. DOI: 10.17759/exppsy.2025180206.
11. Рафикова А.С., Воронин А.Н. Оценка удобства использования чат-ботов: адаптация опросника BUS-11 на русскоязычной выборке // *Экспериментальная психология*. 2025. Т. 18, № 3. С. 194–210. DOI: 10.17759/exppsy.2025180313.

12. Deng R., Jiang M., Yu X., Lu Y., Liu S. Does ChatGPT enhance student learning? A systematic review and meta-analysis of experimental studies // *Computers & Education*. 2025. Vol. 227. Art. 105224. DOI: 10.1016/j.compedu.2024.105224.
13. Wang J., Fan W. The effect of ChatGPT on students' learning performance, learning perception, and higher-order thinking: insights from a meta-analysis // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. Art. 621. DOI: 10.1057/s41599-025-04787-y.
14. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
15. Гасанова Р.Р., Романова Е.А. Искусственный интеллект в высшей школе: проблемы, возможности, риски // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. 2024. Т. 21, № 4. С. 501–515. DOI: 10.22363/2312-8631-2024-21-4-501-515.
16. Кошкина Е.А., Бордовская Н.В., Гнедых Д.С., Хромова М.А., Демьянчук Р.В., Исхакова М.П., Балышев П.А. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения // *Высшее образование в России*. 2025. Т. 34, № 6. С. 36–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-36-57.
17. Кузьминов Я.И., Кручинская Е.В., Груздев И.А., Наумов А.А. Отстающие и опережающие: как студенты используют генеративный искусственный интеллект в образовательных целях // *Высшее образование в России*. 2025. Т. 34, № 6. С. 9–35. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35.
18. Фурс С.П. Искусственный интеллект в сфере образования — помощник педагога или «подрывная» технология? // *Преподаватель XXI век*. 2023. № 1, ч. 1. С. 40–49. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-40-49.

Zhikhareva Lilia Vladimirovna

Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

E-mail: liliya_80@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7510-2963>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=794069

Patterns of artificial intelligence use in the youth environment

Abstract. Relevance. The spread of artificial intelligence in everyday life and education makes it important to study its integration into cognitive and regulatory practices. At the same time, differences in AI interaction strategies and the relationship between the intensity of AI use and the diversity of user practices remain insufficiently explored. Objective. To identify the features of artificial intelligence use in the youth environment, its main functions, frequency, and areas of application, as well as the nature of its involvement in information seeking and decision-making processes. Methods. A cross-sectional descriptive-comparative study was conducted in the form of an anonymous online survey. The sample included 193 respondents aged 15–67 years ($M = 21,23$; $Me = 19$), including 100 women and 93 men. The questionnaire covered the frequency, purposes, areas, and types of AI use, as well as its role in decision-making. Data analysis included descriptive statistics, Pearson's chi-square test, Cramer's V, the Benjamini-Hochberg correction, and Spearman's rank correlation coefficient. Results. 59,8 % of respondents used AI from time to time, and 17,5 % used it regularly. Text-based AI assistants were the most common tools (70,1 %); the leading purpose was obtaining information and explanations (73,2 %), and the main area of application was study and education (56,8 %). Only 9,2 % often used AI in decision-making. Women more often demonstrated regular and educationally oriented AI use. More intensive AI use was associated with a broader repertoire of interaction practices. Conclusions. AI appears as an already familiar but functionally limited resource, used primarily for searching, explaining, and structuring information. This suggests partial cognitive delegation.

Keywords: artificial intelligence; youth; education; interaction; decision-making; delegation; user experience